

В полусказочном мире рыцарских романов отразились факты византийской исторической и социальной действительности: специфические социально-военные формы и термины, элементы этикета императорского двора, взаимоотношений императора с вельможами и т. д. Проявляется это и в описаниях, и в терминах, связанных даже с мифологическими фигурами (αυ;`θεντης Ἔρως βασιλεύς, ε;`ρωτοκράτωρ, λοθοκράτωρ). В описании царства Эрота также используются элементы феодальной, юридической лексики (как и в западном романе), отражающей отношения между владыкой Эротом и влюбленным рыцарем как отношения сюзерена и вассала (λιζιος). По этим принципам строятся и отношения с возлюбленной, которая, по словам Ливистра, владеет крепостью его сердца по-господски (αυ;`θεντικά), подобно властелину (ε;`ξουσιαστής) (понятие, ассоциирующееся с употребляемым на Западе наряду с Domna термином Midous (Monseigneur) в форме мужского рода). Любовные отношения не только уподоблены феодальным, но и объединены с ними в единую иерархию (Каллимах — «василевс замка» и в то же время «раб госпожи»). Какими бы далекими от социальной проблематики ни казались рыцарские романы, в них находят отражение и социальные отношения, и классовая позиция авторов. Романисты, увлеченные, казалось бы, лишь любовными перипетиями и приключениями героев, не остаются индифферентными к малейшим нарушениям социального порядка и равновесия. Принцип строго классового разграничения, соблюдения четкой иерархии — святая святых феодального общества — проявляется даже в сугубо сказочных, фантастических эпизодах. Так, дракон пожирает жителей на родине Хрисоррой в строго классовой последовательности. Социальный ранг непосредственно отражается во внешности, физическом совершенстве героев, их высоких духовных качествах. Исполнители первых ролей — это представители высшего класса, благородного сословия, в рыцарских романах — царского происхождения («право на приключение» имеют избранные).

Если рассмотренные выше романы отражают новые греко-западные реалии, то романы, о которых пойдет речь ниже, представляются продуктом греческо-западных литературных контактов. В первом из них — «Флорий и Плация-Флора» — рассказывается о том, как живущие в Риме славный рыцарь и его супруга, страстно желая иметь детей, дают обет совершить паломничество в Испанию, к гробнице св. Жака в Компостеле. В пути на них нападает Филипп, царь сарацинов. Рыцарь по-327гибает в схватке, а его супруга становится пленницей царя, затем приближенной, подругой царицы.

У нее рождается дочь, а у царицы мальчик, но мать во время родов умирает. Флорий и Плация-Флора — так зовут детей — воспитываются вместе и, повзрослев, пылко влюбляются друг в друга. К дружбе Флория с Плация-Флорой царь относится с неодобрением. Флория отсылают к другому двору с целью совершенствования знаний, главным же образом для того, чтобы разлучить его с девушкой. Перед разлукой Флорий получает от возлюбленной волшебное кольцо, имеющее свойство тускнеть, когда с его обладательницей случается беда. Дважды теряет блеск кольцо Плация-Флоры: первый раз, когда по ложному доносу Флоре угрожает смерть — сожжение на костре. Флорию едва удается вырвать девушку из рук палача. Второй раз, когда отец Флория решает продать девушку купцам. На этот раз устремившийся на помощь юноша не успевает ее спасти. Начинаются долгие поиски. Флорий обнаруживает любимую в Вавилоне заточенной в башне эмира. Подкупив стражников, юноша проникает в башню, спрятавшись в корзину с цветами. Влюбленные схвачены, им грозит сожжение на костре. Все, однако, завершается благополучно: узнав о царском происхождении юноши, эмир освобождает влюбленных, благословляет их союз и отправляет в Испанию. Здесь молодых встречают с радостью, вторично справляют свадьбу, и весь народ обращается в христианство. В конце концов народ Рима избирает Флория царем.

Касаясь «Флория», Х.-Г. Бек считает, что в данном случае мы впервые имеем дело с романом, по своему материалу ни античным, ни восточным¹⁷. Его истоки в глубине веков не просматриваются¹⁸. Что касается непосредственной филиации греческого текста, то она не вызывает сомнений. Это перевод (отчасти переделка) итальянского текста, который в свою очередь представляет собой редакцию французского романа XII в. «Флуар и Бланшфлёр». Французский текст стал прообразом также и для «Филоколо» Боккаччо.

¹⁷ Beck H.-G. Op. cit. S. 142.

¹⁸ Spadaro G. Contributio sulle fonti del romanzo greco-medievale «Florio e Plazioflora» Atene, 1966.